

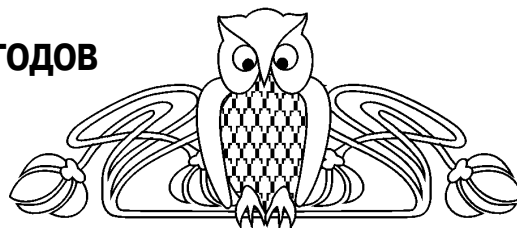

УДК 821.133.109:070.13+929маркиз де Сад

ЗА И ПРОТИВ САДА: ПРОЦЕСС 1956–1957 ГОДОВ

В. Д. Алташина

Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: nikaalt@bk.ru

В статье рассматривается судебный процесс 1956 г. по обвинению в оскорблении нравственности издателя Ж.-Ж. Повера, решившегося на открытую публикацию собрания сочинений маркиза де Сада. На основании документов анализируются доводы обвинения, ответы издателя и свидетелей защиты: Ж. Полана, Ж. Батая, Ж. Кокто и А. Бретона.

Ключевые слова: маркиз де Сад, Повер, рецепция художественного текста, цензура, судебные процессы и литература.

For and Against de Sade: the Trial of 1956–1957

V. D. Altashina

The article considers the 1956 trial of the publisher Jean-Jacques Pauvert on the charge of an outrage against public morals. Pauvert decided to openly publish Marquis de Sade's papers. The prosecution arguments, the responses of the publisher and of the witnesses for the defense – J. Paulhan, G. Bataille, J. Cocteau and A. Breton – are analyzed on the ground of the documents.

Key words: Marquis de Sade, Pauvert, fiction text reception, censorship, trials and literature.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-327-331

«Вот имя, которое все знают, но никто не произносит. Рука дрожит, когда его пишешь, а в ушах раздаётся мрачный звон», – писал Ж. Жанен в 1834 г.¹ Сент-Бев в обзоре французской литературы 1843 г. признавал: «Осмелюсь утверждать, не опасаясь опровержений, что Байрон и де Сад (прошу прощения за это сближение) были, вероятно, самыми большими вдохновителями наших современных авторов: один афишируемый и видимый, другой – скрытый, но не слишком. Читая некоторых наших популярных романистов, если вы хотите заглянуть в глубь сундука, узнать тайную альковную лестницу, никогда не теряйте этот последний ключ»². Несмотря на то, что в западноевропейской и особенно во французской научной аудитории творчество маркиза де Сада (1740–1814) давно рассматривается как важная веха в развитии литературы, философии и науки, в нем еще довольно часто видят лишь порнографического автора и опасного безумца. Даже упомянуть имя Сада в обществе считается почти неприличным, а интерес к его творчеству вызывает неподдельное удивление и нездоровые подозрения. Поэтому обращение к документам, окончательно оправдавшим Сада, является важным, особенно в России, где до настоящего времени его произведения относят к порнографической литературе, а само имя писателя связывается прежде всего с садизмом. Кроме того, обвинения

прокурора и доводы защиты являются актуальными в настоящее время, когда ведутся дебаты о необходимости цензуры и представляется необходимым провести грань между низкопробной порнографией и высокой философской прозой.

Шестьдесят лет назад состоялся один из самых громких литературных процессов, результатом которого было не только признание законности изданий произведений маркиза де Сада, но и официальное признание существования «литературы для взрослых», и, следовательно, большей свободы как для авторов, так и для издателей. Сад, проведший в тюрьме более тридцати лет жизни, был выпущен на свободу окончательно и бесповоротно, и сорок лет спустя его произведения из «ада библиотек»³ (французского спецхрана) перешли в «Плеяду»⁴ и были изданы на той же бумаге, что и Библия.

Процесс не привлек особого внимания прессы – появилось лишь две статьи: одна в газете «Комба» (Combat) сразу после вынесения приговора, вторая в «Ле Монд» (Le Monde) после пересмотра решения в 1958 г. в результате поданной апелляционной жалобы. Но главный обвиняемый издатель Жан-Жак Повер по горячим следам опубликовал полный отчет «Дело Сада» (1957)⁵, содержащий как обвинения прокурора, так и выступления защиты. Если в конце 1950-х гг. внимание привлекло блестящее выступление известного адвоката мэтра Гарсона, то в настоящее время представляется интересным обратиться к аргументам свидетелей со стороны защиты – Жоржу Багаю, Андре Бретону, Жану Кокто и Жану Полану. К слову сказать, именно писатели первыми встают на защиту маркиза де Сада: так, в 1881 г. Анатолий Франс публикует его неизданную повесть «Дорси, или Странности судьбы» с кратким предисловием об авторе⁶; в 1906 г. Анри д'Альмерас, писатель и историк, издает биографию «Маркиз де Сад: человек и писатель. По неизданным документам с библиографией его произведений»⁷, а в 1909 г. Гийом Аполлинер в серии «Мэтры любви», выпускавшейся подпольным издательством «Библиотека любознательных», публикует избранные страницы с введением, биографическим эссе и примечаниями⁸. Именно в этом издании впервые была опубликована первая Жюстина – «Злоключения добродетели».

Начнем с краткого освещения причин и истории процесса. Несколько слов о Жан-Жаке Повере (Pauvert, 1926–2014), одном из самых известных французских издателей, вся жизнь которого была

связана с книгами. Страстный книголюб, он поступил подручным в издательство Гастона Галлимара, самостоятельно опубликовал первую книгу «Объяснение “Постороннего” Сартра» (1945) и, решив стать издателем, взялся за публикацию полного собрания сочинений маркиза де Сада, чтение которого произвело на него неизгладимое впечатление. В своей автобиографии⁹, написанной незадолго перед смертью, он назвал Сада одним из пяти-шести мировых гениев самого высокого уровня и написал его трехтомную биографию¹⁰. Повер скончался в год двухсотлетия со дня смерти маркиза, чрезвычайно широко отмечавшегося мировой общественностью.

Не то чтобы Сада не издавали в начале XX в. – многочисленные и красивые подпольные издания ходили по рукам и были хорошо известны любителям. Но в том-то и дело, что они были незаконными, в то время как Повер решил узаконить Сада, впервые поставив на титульном листе не «Лозанна, в Саду любви» или «Константинополь, в издательстве муфтия», а указав реальный адрес и имя издателя. Неслыханная смелость в конце 1940-х гг., когда и издание «Злоключений добродетели» (самого невинного из всех романов Сада о Жюстине) в 1946 г. с предисловием Ж. Полана произвело эффект взорвавшейся бомбы. Однако именно в эти годы появляются книги, так или иначе вращающиеся вокруг божественного маркиза: эссе «Сад» (1946) Мориса Бланшо и «Сад, мой ближний» Клоссовски (1947). На 1948 г. была анонсирована и публикация избранных отрывков из произведений маркиза¹¹. Зачем было идти на открытую провокацию и ставить свое имя на издании «Новой Жюстины» и «Жюльетты», которые стали официальной причиной пожизненного заключения маркиза в лечебницу для душевнобольных Шарантон в 1801 г.?

Повер решил, что надо публиковать Сада целиком: эта «глыба» («бездонная» – *un bloc d'abîme*), по меткой метафоре Анни Ле Брюн¹²) не может быть разделена, она должна стать доступна не через комментарии и отрывки, не через отражение в других текстах, но в оригинале. В 1947 г. вышли два первых тома «Истории Жюльетты» в обычном издании с именем и адресом издателя на обложке, как самая обычная книга, каковой она, собственно, и является. Однако реакция следует не сразу: «Жюльетта», шесть томов которой были изданы к 1949 г., была осуждена Специальной консультативной комиссией по вопросам книгоиздания лишь в декабре 1955 г., а ровно год спустя прокуратура начала дело в отношении четырех произведений: «Философия в будуаре», «Новая Жюстина», «Жюльетта» и «120 дней Содома». Издав последний роман, Повер пошел на большой риск, грозивший тюрьмой.

Процесс по делу Сада состоялся в Исправительной палате парижского суда 15 декабря 1956 г. Судебное решение было вынесено 10 января 1957 г.: конфисковать указанные произведения и

приговорить Повера к выплате штрафа в двести тысяч франков. Повер и адвокат мэтр Гарсон¹³ подали апелляцию, и 12 марта 1958 г. было вынесено новое решение, согласно которому Поверу разрешалась публикация произведений Сада при условии ограниченного тиража и распространения книг исключительно среди специалистов (философов, филологов, психиатров). Таким образом, приговор был отменен, ибо осталось недоказанным, что издатель опубликовал данные произведения с намерением побуждать читателей к совершению преступных деяний, в них описанных.

Основным пунктом обвинения было оскорбление нравственности, подстрекательство к совершению преступлений, изображенных в романах маркиза. В своей обвинительной речи прокурор, признавая значение Сада для науки и литературы, настаивал на опасности широкого хождения его произведений, которые, несмотря на заявления Повера о том, что его издание предназначено лишь для узкого круга специалистов, легко найти в книжных лавках, специализирующихся на продаже эротической литературы, а также у букинистов на берегах Сены (83).

В объяснении мэтра Гарсона, по праву считающемся шедевром, речь шла не только о маркизе де Саде, но и о судьбе литературы в целом: именно книга – «благородный проводник мысли» – является основой интеллектуального обмена (27). По словам адвоката, процессы против Бодлера и Флобера, обвиненных в оскорблении нравственности ровно сто лет назад, обвинения Золя в порнографии, равно как и преследование представителей литературы авангарда свидетельствуют о том, что судебные процессы против художественных произведений и их авторов часто бывают необоснованными: то, что считалось безнравственным в свое время, ныне входит в сокровищницу французской литературы. Ибо нравы не могут не меняться, а следовательно, нельзя дать абсолютное определение «хорошим и дурным нравам» – именно этот аргумент, один из основных и у самого маркиза де Сада, становится главным доводом защиты (18).

Затем последовал допрос главного обвиняемого – издателя Повера, который акцентировал значимость произведений Сада и утверждал, что задачей любого издателя является предлагать публике, прежде всего интеллигенции, важнейшие тексты литературы: таковыми являются произведения маркиза де Сада, составляющие национальное достояние Франции. Именно этой значимостью творчества маркиза и объясняется лимитированное издание, предназначенное для специалистов, высокая цена которого предохраняет от случайных покупателей (46).

Перейдем к показаниям свидетелей, которые представляют большой интерес, учитывая их статус и роль в интеллектуальной жизни XX–XXI вв. К слову сказать, в конце 1950-х имена Багая и Бретона были известны гораздо менее мэтра Гарсона,

величайшего адвоката своего времени, прославившегося защитой Жоржа Сименона, сюрреалистов и многими другими громкими процессами. Если имена Батая, Бретона и Кокто хорошо известны в России, то личность Жана Полана (1884–1968) требует комментариев: французский писатель, эссеист, издатель, главный редактор «Nouvelle Revue française», наиболее прогрессивного литературного журнала первой половины XX в., автор известных эссе о литературе и искусстве («Цветы Тарба, или Террор в литературе», 1941; «Ключ к поэзии», 1944), переписывавшийся с большинством крупных писателей Франции XX в. Он выступал на процессе как специалист по творчеству маркиза де Сада, которому посвятил свою выпускную работу в Сорбонне.

Полан начал с утверждения важности творчества маркиза для литературы и философии последующих эпох от Ламартина и Бодлера до Ницше. «Все или почти все писатели XIX века, те, кто наиболее значим, вышли из маркиза де Сада, начиная с Ламартина, который признавал, что если бы не прочел маркиза де Сада в девятнадцать лет, то никогда не написал бы своих стихов» (48). А потому запретить публикацию произведений этого великого философа и писателя, учитывая, что произведения его учеников и последователей печатаются без ограничений, значило бы запретить Книгу как таковую. Издание произведений Сада положит конец вульгаризации его идей, даст возможность познакомиться с его истинной философией. Полан сравнивает Сада с Библией, в которой также есть множество шокирующих сцен. «Неужели же Вы, – спрашивает Полан прокурор, – дадите вашей дочери читать Сада, а не Библию?» «Вовсе нет, но и Библию я бы дал ей читать с предосторожностями, не говоря уже о Бодлере, произведения которого широко доступны, но которые могут привести к самым разным извращениям», – отвечает Полан (51–52).

Следующий свидетель, Жорж Батай (1897–1962), еще не опубликовал к тому времени своих самых громких работ («Литература и зло»; «Эротика», обе – 1957) и был известен как автор «Истории глаза» (1928), изданной все тем же Повером в то же время, что и сочинения Сада. Главный тезис Батая: для того, кто хочет узнать до конца, что представляет собой человек, чтение Сада не только желательно, но и абсолютно обязательно (56). Тяга человека к созерцанию смерти и страдания доказана медицинскими, этнографическими, географическими свидетельствами, доступными в самых разных формах, в то время как творчество Сада уникально, оно «контрастирует со всем, что ему предшествовало. Сад – это человек, который захотел – а, безусловно, он этого хотел – не только описать удовольствие, но он захотел представить ту дилемму, в которую замкнут человек, живущий в обществе, где подстрекательства к смерти и страданию были не редки, в обществе, где царила несправедливость» (55). Для Батая тексты

Сада сродни медицинским документам, которые необходимы специалистам – именно для них и предназначено издание Повера, учитывая его стоимость и ограниченный тираж. «Сад дает нам возможность спуститься в пропасть ужаса, в ту пропасть ужаса, которую мы должны познать в философии», прояснить и изучить, хотя, безусловно, чтение его произведений не предназначено для всех (56). На вопрос председателя суда, не опасно ли распространение произведений, апологизирующих порок, Батай четко и ясно отвечает: «Мне кажется, что нет. Признаюсь, что я очень доверяю природе человека». «С чем Вас и поздравляю, ваш оптимизм делает Вам честь», – заключает председатель (59).

Жан Кокто (1889–1963) начинает свое письмо, направленное в адрес суда, утверждением о том, что Сад – философ и моралист. Последнее вызывает недоумение председателя: «Так пишет Жан Кокто?» (62). «Нападать на него – все равно, что нападать на Жан-Жака, автора «Исповеди», – продолжает мэтр Гарсон чтение письма. – Он скучен, стиль его не хорош, его значение только в том, в чем его упрекают». «Согласен лишь в одном – он скучен», – поддерживает председатель. «Мы все с этим согласны», – подхватывает Гарсон (62). Скука текстов Сада является одним из важных доводов защиты: если роман не увлекателен и не интересен, то массовая публика его читать не будет, он ценен лишь для специалистов, на которых и ориентировано издание Полана. «Самый слабый детективный роман столь целомудренной Америки гораздо опаснее, чем самые смелые страницы де Сада. Осудив его, Франция покусилась бы на свои святыни», – утверждает Кокто в заключении своего обращения к суду (62).

Письменные показания Андре Бретона (1896–1966), который не смог лично присутствовать на процессе, не были доставлены вовремя и не могли быть зачитаны, но Повер опубликовал их в «Деле Сада». Бретон краток, но точен и убедителен. «Маркиз де Сад говорил (эту его фразу часто цитируют): “Я обращаюсь только к тем, кто способен меня понять, только для них чтение моих произведений не представляет никакой опасности”» (64). Эти слова Бретон предлагает понимать буквально: Сад не может быть интересен, а значит, не может и оказать дурного влияния на тех, кто его не понимает. Он важен лишь для тех, кто способен понять скрытый смысл его творений, как например, великие Ламартин, Петрюс Борель, Бодлер, Суинберн, Лотреамон, Аполлинер или писатели – знатоки человеческих душ, как Стендаль, Ницше, Барбе д’Оревилли. Он понятен и людям науки – медикам Эжену Дюрену¹⁴ и Морису Эну¹⁵, проявившим инициативу в издании произведений Сада. В 1904 г. Эжен Дюрен впервые опубликовал «на основании подлинной рукописи и с научными комментариями», как это указано на титульном листе книги, роман «120 дней Содома, или Школа либертинажа»¹⁶, утрату рукописи которого в

Бастилии Сад оплакивал кровавыми слезами. В 1929 г. по поручению четы меценатов рукопись была выкуплена Морисом Эном, медиком по образованию, и издана в 1931–1935 гг.: именно это издание, предназначенное для библиофилов по подписке, чтобы обойти цензуру, и считается первым полным текстом романа, ибо предыдущий грешил многими неточностями.

Бретон, ссылаясь на брошюру Шарля Анри, директора лаборатории физиологии в Сорбонне, приводит его комментарий эпиграфа Сада к «Новой Жюстине» («Не становишься преступником, если рисуешь странные склонности, которые в нас вкладывает природа»¹⁷): «Приверженцы эксперимента в области морали не могли бы сделать иного вывода» (65). Согласно Бретону, сама чрезмерность в описаниях Сада должна вызвать отторжение, нежелание следовать примеру, таким образом Сад является моралистом, а его уроки не должны быть забыты, именно поэтому и стоит его издавать, как это делает Повер. «Культура, как и свобода, на мой взгляд, является единой и неделимой, и, повинувшись голосу совести, я заявляю, что как никто другой Жан-Жак Повер сегодня выполняет свою роль и безмерно способствует интеллектуальному расцвету этой страны, переиздавая как произведения Сада, так и словарь Литре¹⁸» (66). Самим этим сопоставлением – романы «божественного маркиза» и один из самых авторитетных словарей французского языка – Бретон поддерживает тезис защиты о научном интересе романов Сада.

Обобщая доводы защиты, отметим, что все утверждают колоссальное значение творчества Сада для последующей литературы, философии и науки. Поверу был важен как сам факт открытого издания, а значит, и признания Сада, так и те дебаты, которые были представлены во время слушаний дела и которые навсегда покончили с нелегальностью изданий «божественного маркиза», дав *carte blanche* эротической литературе высокого уровня. Вспоминая о громких процессах вековой давности, свидетели защиты призывают к пересмотру самих норм и понятий нравственности, утверждая ее относительность.

Сад – моралист? На первый взгляд парадокс, однако сам писатель утверждал, что единственной его целью было познание сердца человека (как и у Ларошфуко), а готовящееся во Франции издание «Моральных максим и размышлений Сада»¹⁹ подтверждает правоту свидетелей защиты.

Скучен ли Сад? Да, скучен для любителей эротической и порнографической литературы, как, наверное, скучен любой философский текст для читателей – не сообщников, «читателей-самок» (Х. Кортасар)²⁰.

Опасен ли Сад? Нет, ибо те, кто способен его понять, поймут правильно, а кто не способен, тот и не станет читать.

Нужно ли издавать Сада? Безусловно да, ибо без этого, по меткому сравнению Сент-Бева, «по-

следнего ключа» невозможно понять искусство XIX–XX вв.

Центральной проблемой процесса стало соотношение вымысла и реальности: способно ли изображение зла вызвать желание его совершать? Можно ли предъявлять обвинение вымыслу? Может ли воображаемый мир оказывать воздействие на реальность? Эти вопросы представляются актуальными и в настоящее время, к ним обращается Ф. Лавока в своей книге «Факт и вымысел» (2016)²¹, отстаивая необходимость разграничения реальности и произведения искусства.

Судебные дебаты шестидесятилетней давности не потеряли своей актуальности, они заставляют задуматься о пределах дозволенного в искусстве, о важности правильной подачи художественного текста, адекватности его прочтения и восприятия.

Примечания

- 1 Janin J. Le marquis de Sade. Les marchands de nouveautés. 1834. P. 1. URL : [https://fr.wikisource.org/wiki/Le_marquis_de_Sade_\(Jules_Janin\)/Le_marquis_de_Sade](https://fr.wikisource.org/wiki/Le_marquis_de_Sade_(Jules_Janin)/Le_marquis_de_Sade) (дата обращения: 08.04.2017).
- 2 Saint-Beuve Ch. Quelques vérités sur la situation en littérature // Revue des deux mondes. Au bureau de la revue des deux mondes. 1843. Т. 3. P. 13–14.
- 3 Одно из значений слова «ад» (enfer) в толковом словаре французского языка определяется следующим образом: «Partie fermée d'une bibliothèque, où l'on tient les livres d'un caractère licencieux (Закрытая часть библиотеки, где содержатся книги непристойного характера)» (Larousse de la langue française. Lexis. Paris, 1979. P. 636).
- 4 См.: Sade D.-A.-F. de. Œuvres : in 3 t. Éd. établie par Michel Delon. Bibliothèque de la Pléiade. Paris, 1995–1998.
- 5 См.: L'Affaire Sade. Compte-rendu exacte du procès intenté par le Ministère Public. Paris, 1957. Далее материалы дела приводятся по данному источнику с указанием страниц в скобках.
- 6 См.: Sade, marquis de. Dorci ou la bizarrerie du sort. Conte inédit. Avec une notice sur l'auteur. Par A. France. Paris, 1881.
- 7 См.: Almeras H. Le marquis de Sade : l'homme et l'écrivain. D'après les documents inédits avec une bibliographie de ses oeuvres. Paris, 1906.
- 8 См.: L'oeuvre du marquis de Sade. Pages choisies. Zoloé. Justine. Juliette. La Philosophie dans le boudoir. Oxtiern ou les Malheurs du libertinage : pages choisies comprenant des morceaux inédits. Introduction, essai bibliographique et notes par Guillaume Apollinaire. Paris, 1909.
- 9 См.: Pauvert J.-J. La Traversée du livre. Paris, 2004.
- 10 См.: Pauvert J.-J. Sade vivant : in 3 t. Paris, 1986–1990.
- 11 См.: Pierrat E. Jean-Jacques Pauvert l'éditeur en liberté. Paris, 2016. P. 67.
- 12 Le Brun A. Soudain un bloc d'abîme, Sade. Paris, 1986. P. 1.
- 13 Гарсон Морис (Maurice Garçon, 1889–1967) – французский адвокат, эссеист, романист, прославившийся блестящей защитой на криминальных и литературных

- процессах, благодаря которому стала возможной публикация эротической литературы.
- ¹⁴ Блох Иван (Iwan Bloch, 1872–1922, псевдонимы Эжен Дюрен, Альберт Хаген, Ферифантор, Герхард фон Вельзенбург) – немецкий врач, дерматолог, венеролог и сексолог. Один из основателей сексологии. В 1900 г. он под псевдонимом Э. Дюрена опубликовал «Der Marquis de Sade und seine Zeit. Ein Beitrag zur Cultur und Sittengeschichte des 18. Jahrhunderts. Mit besonderer Beziehung auf die Lehre von der Psychopathia Sexualis» («О маркизе де Саде и его времени. Исследование культуры и истории морали XVIII века. К проблеме изучения сексуальной психопатии»).
- ¹⁵ Эн Морис (Maurice Heine, 1884–1940) – французский писатель и издатель, который первым начал отстаивать место Сада во французской литературе, полагая, что к текстам «божественного маркиза» следует относиться с тем же уважением, что и к текстам Паскаля. Его усилиями были изданы не только «120 дней Содома», но и «Истории, повести и фавлю» (Historiettes, Contes et Fabliaux, 1927), «Диалог священника с умирающим» (Dialogue entre un prêtre et un moribond, 1926), «Злоключения добродетели» (Infortunes de la vertu, 1930). Его пятнадцать этюдов о Саде (Le Marquis de Sade, 1950), отличающиеся глубиной и точностью понимания, были опубликованы его другом, автором биографии маркиза, Жильбером Лели (1904–1985), знатоком истории медицины, издавшем в 1962–1964 гг. собрание сочинений Сада.
- ¹⁶ *Sade D.-A.-F. de. Les 120 journées de Sodome ou L'école du libertinage. Publié pour la première fois d'après le manuscrit original, avec les annotations scientifiques par le docteur Eugène Dühren. Paris, 1904.* На русский язык вторую часть названия переводят как «школа разврата», что является неверным: либертинаж – особое явление французской культуры XVIII в., утверждающее как свободу нравов, так и свободу мысли. Маркиз де Сад философски обосновывает и наглядно демонстрирует это явление в своих произведениях.
- ¹⁷ *Sade D.-A.-F. de. La Nouvelle Justine // Sade D.-A.-F. de. Œuvres : in 3 t. T. 2. Paris, 1995. P. 391.*
- ¹⁸ «Словарь французского языка», изданный Эмилем Литре в 1863–1872 гг., считается одним из самых авторитетных словарей.
- ¹⁹ «Maximes et Réflexions Morales», подготовленный Норбером Склиппа, планируется к изданию в 2017 г. в Париже (Paris, les éditions L'Harmattan). Название парафразирует заглавие знаменитого сборника максим Ларошфуко (1613–1680) «Размышления, или Моральные сентенции и максимы» (Les Reflexions ou Sentences et Maximes morales).
- ²⁰ *Кортасар Х.* Игра в классики. М., 1986. С. 79.
- ²¹ См.: *Lavocat F. Fait et Fiction. Paris, 2016. P. 273–282.*

Образец для цитирования:

Алташина В. Д. За и против Сада: процесс 1956–1957 годов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 327–331. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-327-331.

Cite this article as:

Altashina V. D. For and Against de Sade: the Trial of 1956–1957. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 327–331 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-327-331.